

**Гаршин, Мережковский, Сологуб:
тенденции процесса рецепции за рубежом****Волегов А.В.**

Государственный университет Чжэнчжи, Тайвань (國立政治大學, 台灣)

Abstract

The contradictory period of “1880-ies” preceded the Silver Age in Russian literature. This article aims to investigate receptive problems of this “transitional” literary period abroad, especially in so called “World of Chinese Culture” (the specific region with its growing role in cultural processes of modern globe), which needs to be paid more attention to. Choosing the translations and interpretations of the works by V.M. Garshin (1855-1888), F.K. Sologub (1863-1927) and D.S. Merezhkovsky (1865-1941) as the object of this analysis seems highly representative as it shows the basic features of reception formation in specific cultural zone of the globe more objectively and free of clichés. The object of analysis includes the key ideas and, subsequently, the means of representation used by translators and analyzed by researchers during more than a century.

Key words: Russian literature, Presymbolism, Symbolism, reception, “the World of Chinese Culture”.

Аннотация

Противоречивый период 1880-х предшествовал Серебряному веку русской литературы. Статья посвящена актуальности исследований его рецепции за рубежом, в частности, в так называемом «мире китайской культуры», своеобразном культурно-цивилизационном регионе, роль которого в современном глобализованном обществе неуклонно возрастает. Примеры обращения и интерпретации творчества В.М. Гаршина, Д.С. Мережковского и Ф.К. Сологуба кажутся нам очень показательными, так они позволяют освободиться от многих стереотипов понимания межкультурной рецепции и увидеть это явление как закономерный процесс, идущий уже более века.

Ключевые слова: русская литература, предсимволизм, символизм, рецепция, «мир китайской культуры».

Часть 1. Творчество Гаршина в восприятии зарубежных интерпретаторов

Понимание своеобразия творчества Гаршина в русской и европейско-американской литературоведческой традиции шло в русле понимания сложности психологизма описания личности героя в свете надвигающихся общественных катаклизмов (переводчики: (R. Smith, Parker, Бялый, Латынина).

С середины XX века растет число работ сопоставительного характера. Первоначально – в рамках русского литературного (Р. Henry, Склеиснис, Тихомиров, Земляковская), затем – и европейско-американского (Головань, Болотов, Lusin).

Ряд современных отечественных и зарубежных ученых указывают на определенную близость исканий Гаршина и представителей «нового искусства». Так, И. В. Корецкая, Л. П. Щенникова называет именно Гаршина в ряду тех писателей, «чей опыт будет использован и современными им литераторами, и младшими поколениями, вошедшими в национальную культуру уже с начала XX века».

Американский славист R.D. Wessling указывает на «постреалистический» характер новаторства писателя, проявляющийся в некоторых новых особенностях художественного мышления, соответствующих эпохе 1880-х годов. Р. Д. Весслинг прямо называет новое художественное мышление модернистским.

Для понимания особенностей восприятия русских писателей эпохи 1880-х в «китайском мире» важно учитывать, что первоначально значительное число переводов на китайский было сделано в Японии. Первое произведение Гаршина на китайском (переводчик Kimura Sogo (木村莊五)) вышло в свет в Токио. Также в Японии вышли переводы, сделанные Yun Yu (韞玉, 胡韞玉) («Ночь»), а также братьями Джоу, Zhou Zuo-ren (周作人) и Лу Синем (魯迅), который в 1902-1906 учился в Японии. Их работы основывались на японских переводах, но молодые литераторы дополнительно привлекали немецкий перевод и, возможно, отчасти – русский оригинал. Эти переводы составили сборник «Collection of Foreign Short Stories» (域外小說集), который вышел в Токио в 1909 г.; позднее этот сборник переиздан в Шанхае в 1921 г., в Пекине в 2006 г.

Hu Yu-zhi (胡愈之), Geng Ji-zhi (耿濟之) и Liang Yu-chun (梁遇春) переводили с английского языка. Переводы опубликованы в Шанхае в 1920-1930-е гг.

Ба Цзинь (巴金, 1904-2005) также начал переводить Гаршина ещё в 1920-е годы с английского. Позднее в своем собственном произведении

«Гибель» (滅亡, 1927-1928) автор цитирует диалог из гаршинского рассказа «Сигнал».

Его переводы выходят гораздо позднее и в КНР, и в Гонконге, и на Тайване. Но примечательно, что в 50-е годы в КНР публикуются произведения, допускающие, в первую очередь, «общественно-обличительное» либо «сказочное» прочтение («Происшествие», «Денщик и офицер», «Лягушка-путешественница» (旅行的蛙)).

В противовес этому в 1990 г. как в Гонконге, так и в Тайбэе опубликован сборник переводов под названием «Красный цветок» (紅花集). В сборник включены «Красный цветок» (紅花), «Сигнал» (信號), «Сказка о жабе и розе» (癩蝦蟆和玫瑰花), «Attalea princeps» (阿塔勒亞·卜林塞卜斯), «То, чего не было» (並沒有的事). Отбор издателей представляется нам значимым с точки зрения идейно-художественных особенностей произведений, утверждающих, в первую очередь, сложность внутреннего мира духовно-свободной личности, свободу выбора жизненных ценностей.

Эти рассказы также включены в шестой том сборника переводов Ба Цзиня, который опубликован в КНР, в Пекине позднее, в 1997 г., что, на наш взгляд, также является показательным.

Feng Jia (馮加) и Gao Wen-feng (高文風) – представители нового поколения китайских переводчиков, которые используют русский оригинальный текст.

Исследователи

Известный писатель Мао Дунь (茅盾, – Шэнь Янь-бин (沈雁冰)) в статье (近代俄國文學家三十人合傳) приводит биографии русских писателей, в том числе В.М. Гаршина. Эта статья вышла в Шанхае в 1925 г.

Лишь много десятилетий спустя в КНР появляется следующая работа о Гаршине. Chen Shou-shi (陳瘦石) перевел известную монографию Г.А. Бялого (Шанхай, 1958 г.).

Затем ещё десятилетия забвения – но затем, начиная с 1983 года, в КНР опубликован уже целый ряд статей, посвященных влиянию Гаршина на творчество Лу Синя и, в частности, на его рассказ «Светильник» (Wang Jing-wen (王敬文) Gao Qing-ming (高慶明)).

A Yin Jian-min (尹建民) сравнивал вышеназванные произведения также и с «Osprey Village» (雕鵝堡) китайского писателя Duanmu Hongliang (端木蕻良, 1912-1996).

На Тайване же до сих пор не было статей и диссертаций, посвященных исследованию творчества В.М. Гаршина.

Часть 2. Деятельность Д.С. Мережковского в восприятии за рубежом

Д. С. Мережковский занимает своеобразное место в русской истории, философии, литературе. М.Алданов писал: «С сильными и слабыми своими сторонами, со своими большими заслугами и ошибками, Мережковский принадлежит истории русской земли».

Оригинальные философские идеи и радикальные политические взгляды вызывали резко неоднозначные отклики; тем не менее, даже оппоненты признавали в нём выдающегося писателя, жанрового новатора и одного из самых оригинальных мыслителей XX века. Он несколько раз был номинирован на Нобелевскую премию.

В СССР стремились к тому, чтобы его творчество было забыто. «Возвращение» и серьезное научное освоение творческого наследия одного из основоположников русского символизма началось в постперестроечную эпоху, когда стало возможным издание отечественных исследований, посвященных его разносторонней деятельности.

В российских и зарубежных исследованиях присутствуют совершенно противоположные оценки его личности и творчества. В течение двух последних десятилетий российские, европейские и американские литературоведы (Т. Pachmuss, З. Г. Минц, М.-Л. Додеро Коста, В.-Г. Rosental, О. Н. Михайлов, С. П. Ильёв, О. А. Коростелев, В. В. Полонский и др.) стремились охарактеризовать отдельные периоды его творчества и ввести в научный оборот новые факты, так или иначе освещающие жизненный путь, личность и наследие одного из самых противоречивых деятелей Серебряного века. Исследователи также прояснили ряд особенностей жанровой поэтики Мережковского. Прежде всего, они уточнили специфику романного мышления писателя-символиста. Русские и западные ученые (О. В. Дефье, Т. И. Дронова, М. А. Ковыршин, Л. А. Колобаева, А. В. Лавров, Д. М. Магомедова, З. Г. Минц, В. О. Михеев, Е. К. Созина, Л. Н. Флорова, И. А. Хромова, Е. Vazzarelli и др.) достаточно убедительно показали, как художественные трилогии Мережковского формировали его историософию.

Начато изучение поэзии (А. Г. Бойчук, К. А. Кумпан), а также драматургии Мережковского (Е. А. Андрущенко, Б. С. Бугров, Е. В. Васильева, О. К. Страшкова). Следует упомянуть и труды литературоведов, посвященные деятельности Мережковского-журналиста (Х. Баран, И. В. Корецкая, П. В. Куприяновский, А. В. Лавров, Д. Е. Максимов и др.). Многие исследователи (Ф. Т. Ахунзянова, С. П. Бельчевичен, В. Н. Быстров, Е. В. Васильева, О. В. Дефье, Н. П. Дворцова, О. В. Десяткова, Е. В. Кардаш, Е. М. Криволапова, О. В. Кулешова, Е. А. Осминина, Я. В. Сарычев, В. Л. Семигин, В. В. Стебляк, А. А. Холиков, О. Матич и др.) внесли также заметный вклад в постижение специфики «нового религиозного сознания»

В странах Азиатско-Тихоокеанского региона рецепция Мережковского, как и многих других русских писателей этого периода началась в Японии в самом начале XX века. Современный японский исследователь Киносита пишет: «...в контексте восприятия великих русских писателей в Японии такая их характеристика, данная Мережковским, оказала значительное влияние на японскую читающую публику в начале 20 века... С книгой Мережковского, изданной в 1901 году в России, в Японии познакомились по журнальным статьям 1906–1909 гг. на основе английского перевода 1902 года, а в 1914 г. книга была издана на японском языке, в переводе с немецкого издания». Как видим, первоначально превалировал интерес к литературно-критическим статьям.

Первые переводы на китайский язык художественных произведений Мережковского также увидели свет в Японии. Один из первых переводов художественных текстов Мережковского на китайский язык сделал Yonekawa Masao (米川正夫). Он перевел роман «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» (神疊の復活：レオナルド・ダ・ヴィンチ). Книга вышла отдельным изданием в Токио в 1935 г.

В это же время в Китае над переводом этой книги работал **Zheng Chao-lin (鄭超麟)**, писавший под псевдонимом **Qi Wen (綺紋)**. В 1923-1924 гг. он учился в Москве, однако выбор для перевода романа писателя, известного своим антисоветизмом, кажется очень неожиданным. Видимо, у переводчика были на то личные причины, связанные с пребыванием в СССР. В работе он опирался на немецкий перевод. Роман «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» (諸神復活：雷翁那圖·達·芬奇傳) вышел в Шанхае в 1935 г. Обращают на себя внимание даты переиздания этого перевода (это очень показательно для рецепции сложных идей Мережковского в «китайском мире»: Шанхай: 1941 и 1945 гг., Тайбэй: 1964(!) и 1982 гг., Пекин: 1988 и 2007 гг. Судьба самих этих публикаций, как и трагическая судьба самого переводчика (он сидел в тюрьме 27 лет, 1952-1979) очень примечательны. Они отражают сложную судьбу утверждения культурных ценностей переходных эпох как в России, так и в «китайском мире».

Diao Shao-hua (刁紹華) и **Zhao Jing-nan (趙靜男)**, **Wang Xiao-chun (汪曉春)**, **Fu Shi-Qiu (傅石球)** – переводчики из КНР, выпустившие, начиная с 1990-х гг., наиболее известные художественные и публицистические произведения Мережковского.

Zhao Gui-lian (趙桂蓮) перевела ряд статей, которые включены в сборник под названием «Пророк» (先知). Сборник опубликован в Пекине в 2000 г. Среди переводов особенно примечательны «Грядущий хам» (未來的無賴), «Лев Толстой и церковь» (列夫·托爾斯泰與教會). Эти переводы

представляются нам чрезвычайно значимыми в свете понимания современных негативных тенденций в русистике, связанных с конъюнктурностью апологии РПЦ.

Некоторые переводы переиздавались и на Тайване. Так, роман «Смерть богов. Юлиан Отступник» (諸神死了：背教者尤利安) в переводе **Xie Han-ru** (謝翰如) опубликован первоначально в КНР, в Шэньяне в 1997 г. На Тайване переиздан в 1998 г. под названием «諸神之死：背教者尤利安».

Исследователи из КНР

Лю Кунь (劉錕)) Автор ряда публикаций, вышедших в КНР и на Тайване в последние 10 лет. Работы посвящены как религиозным идеям писателя, так и художественным особенностям его произведений.

Wu Xiao-Xia (武曉霞), обращает особое внимание на смысловую структуру художественных произведений писателя, в частности, на конструкцию символов.

Среди авторов работ, посвященных традиционной литературоведческой тематике, следует назвать **Zhao Gui-lian (趙桂蓮)**, **Geng Hai-ying (耿海英)**, **Wang Li-ye (王立業)**, **Zhang Bing (張冰)**

Отдельно стоит работа **Zhang Bai-chun (張百春)**, исследователя православной теологии и русской философии. Само появление работ подобной направленности в современном коммунистическом Китае представляется примечательным и заслуживает более подробного изучения. Работа называется «Краткий обзор теологических идей Д.С. Мережковского» (梅列日科夫斯基的神學思想概述)

Среди исследователей с Тайваня следует назвать

Оу Инь-си (歐茵西), профессора NCCU, автора книги по истории русской литературы (Тайбэй, 1993, 2007 г.).

Liu Jin-chang (劉錦昌), священнослужитель, директор Института Библии) автор статьи 2002 г.

В учебной работе Lee Jo-chi (李若琦), магистерской диссертации 2007 г. также затрагиваются религиозные идеи Мережковского.

Часть 3. Творчество Ф.К. Сологуба в рецептивном аспекте изучения

О Сологубе в России еще при его жизни писали критики и литературоведы Р. Иванов-Разумник, А. Волынский, А. Горнфельд, Е. Аничков, А. Долинин, С. Венгеров, В. Боцяновский, К. Чуковский, философ Л. Шестов, писатели З. Гиппиус, А. Белый, М. Волошин, С. Городецкий, и др. После 1930-х годов в СССР произведения Сологуба почти не переиздавались, и можно сказать, что они были надолго забыты исследователями. До 1970-х

годов научные работы на эту тему в СССР не запрещались, но и не поощрялись.

После 1970-х, особенно в постперестроечные годы, интерес к изучению творчества писателя как за рубежом, так и в отечественном литературоведении заметно возрастает.

В последние десятилетия XX века в СССР и России к творчеству Сологуба обращались М. И. Дикман, З. Г. Минц, Д. Е. Максимов, И. П. Смирнов, М. М. Павлова, Л. В. Евдокимова, С. П. Ильёв, Н. Г. Пустыгина, Н. В. Барковская, Н.А. Дворяшина и др.

В зарубежном литературоведении наследие Сологуба также изучалось достаточно широко. К числу его исследователей во второй половине XX века принадлежат J. Holthusen, G. Selegen, C. Hansson, L. J. Ivanits, S. Rabinowitz, X. Баран.

В широко известных работах австрийского литературоведа А. Ханзена-Леве, посвященных системе мотивов русского символизма, Сологуб рассматривается как один из представителей раннего символизма.

Следует отметить работы известных американских славистов Л. Иваниц (L. J. Ivanits) и X. Барана, посвященные евангельским мотивам у Сологуба. Эта тема разрабатывается и в России в работах А. Р. Магалашвили, Е. В. Душечкиной.

Ряд ученых продолжают изучать влияние идей Шопенгауэра на мифологию Сологуба: J. T. Ваег, А. Руман, И. Ю. Симачева. Воздействие на Сологуба философии С. Кьеркегора исследовал на примере романа «Тяжелые сны» А. Н. Долгенко, философии Ницше – G. Kalbouss.

Достаточно активно изучается влияние на художественный мир писателя так называемой «гностической» философии и образности. Следует назвать работы И. Ю. Гуськова и С. Л. Слободнюка, которые обращаются к анализу традиции гностицизма в русской литературе начала XX века. Интересно, что эта идея прослеживается и в диссертации современного исследователя из КНР **Ли Чжицяна (李志強)**.

Еще одно направление сологубоведения – анализ психологии сологубовских героев (М. М. Бахтин, Н. А. Нагорная).

Литературные связи и проблема художественной преемственности – другое направление исследований творчества Ф. Сологуба. Традиции Достоевского в творчестве писателя изучают А. Н. Долгенко, И. В. Пантелей, И. Д. Якубович, Л. И. Будникова, О. Н. Веселова, литературные связи с наследием Н. В. Гоголя – И. Ю. Симачева, S. Rabinovitz; с произведениями современников – С. П. Ильёв и С. В. Сапожков. С. Н. Бройтман отмечает преемственность символистского (в том числе сологубовского) мифа о художнике-теурге у раннего О. Мандельштама. Тему «Сологуб и футуризм» разрабатывает О. А. Клинг.

Развивается сопоставительный подход к творчеству Сологуба и в контексте западно-европейской литературы. S. Rabinovitz соотносит понимание символа у Сологуба, Кольриджа (S. Coleridge) и Ведекинда (F. Wedekind). Ю. И. Гуськов сравнивает творчество Сологуба и Кафки. Таким образом, сравнительный анализ творчества Сологуба и зарубежных писателей – необычайно перспективное на сегодняшний день направление.

В мире китайской культуры наиболее раннее обращение к творчеству Сологуба – переводы братьев Джоу.

Zhou Zuo-ren (周作人, 1885-1967) (Лу Синь)

Zhou Jian-ren (周建人, 1888-1984)

Они переводили, скорее всего, с английского.

Рассказы «Поцелуй нерожденного» и «Белая мама» показательны, в частности, для понимания русскими исследователями и читателями своеобразия творческого пути Лу Синя. Данные два рассказа показывают интерес к сологубовской тематике и проблематике онтологического (бытийного) и отсюда – экзистенциального трагизма. Как известно, в своем позднем творчестве Лу Синь не разделял этого интереса.

Yu Zhi (俞之, Hu Yu-zhi (胡愈之, 1896-1986) перевел «Сказочки».

Zheng Zhen-duo (鄭振鐸, 1898-1958)

Кроме его варианта перевода «Сказочек» следует отметить перевод рассказа «Мечта на камнях» (你是誰), одного из ключевых для понимания сологубовского понимания человеческой личности.

«Сказочки» и рассказы Сологуба печатались в целом ряде сборников, выходящих в Шанхае в 1920-е гг.

Вэй Су-юань (韋素園) переводил и прозу, и стихотворения Сологуба. Вместе с Лу Синем (魯迅), он – создатель групп «Маньюань» (莽原, Заросли) и «Вэйминшэ» (未名社, «Без названия»). Примечателен его перевод рассказа Ф. Сологуба «Путь в Еммаус» (往綺瑪忒期去的路, рассказ переведен в 1926 г., в том году произошел расстрел демонстрации в Пекине, или так называемая «Бойня 18 марта 1926 года»). Отбор Вэй Су-юанем текстов других рассказов для перевода («Наивные встречи» (邂逅, переведен в 1925 г.) и «Мудрые девы» (伶俐的姑娘, переведен в 1923 г.)) также говорит о понимании сложности концепции человеческой личности.

Pei Yue (配岳), Song Shan (松山), Gao Tao (高滔), переведившие рассказы Сологуба в 20-е – 30-е гг., скорее всего, также использовали английский перевод.

Переводы **Peng Zi-ji (蓬子輯)** и **Chen Wei-mo (陳煒謨, 1903-1955)** показывают, что в 30-е годы усиливается интерес к общественно-политической тематике (рассказ «Голодный блеск» и повесть «Старый дом»).

Xu Mao-yong (徐懋庸) перевел самое известное произведение Сологуба, роман «Мелкий бес» (小鬼) в 1935 г. (Шанхай, 1935 г.)

Затем в течение нескольких десятилетий в Материковом Китае нет ни переводов, ни исследований творчества Сологуба. Новое поколение китайских переводчиков Сологуба приходит в 1990-е годы. Они переводят уже с русских оригиналов.

Zhou Qi-chao (周啓超) и Liu Chen (劉塵).

Их переводы рассказов «Тени и свет» (陽光與陰影), «Царица поцелуев» (吻中皇后), «Благополучный Иуда» (如意的猶大) и «Помнишь, не забудешь» (你還記得嗎，不會忘記吧?) и др. включены в сборник произведений русских символистов «Царица поцелуев» (吻中皇后：俄國象徵派小說選萃). Сборник вышел в свет в Харбине в 1994 г. Выбор, с одной стороны, связан с тем, что в новых условиях литераторы спешили познакомить китайских читателей с ещё неизвестными произведениями русского писателя, с другой – знаменует своеобразную позицию «академического» дистанцирования. Отбор произведений разных периодов творчества писателя указывает на «экзотичность» тематики и некоторую случайность (в отличие от переводчиков 1920-х, таких, как **Вэй Су-юань (韋素園)**).

Diao Shao-hua (刁紹華) сделал новый перевод романа «Мелкий бес» (卑劣的小鬼). Книга вышла в свет в Шэньяне в 2000 г.

Zhang Bing (張冰) перевел роман «Творимая легенда» (創造的傳奇). Книга вышла в свет в Пекине в 2006 г.

Liu Yin-mei (劉引梅) перевел рассказ «Маленький человек» (小矮人), который включен в одноименный сборник, вышедший в Пекине в 2012 г.

Исследователи в КНР

Ли Чжицян (李志強), автор многочисленных исследований, опубликованных в КНР и на Тайване. Работы его показательны для современного состояния литературоведения в КНР. С одной стороны, в работах автора вводятся в оборот новые темы, с другой – прослеживается тенденция представить сологубовскую религиозно-философскую проблематику не как общечеловеческую и актуальную, а как «экзотическую» или субъективную. При этом у автора встречается очень много тонких и смелых наблюдений.

Статья **Li Xiao-yi (李瀟逸)** «Мелкий бес» и богомильский миф (《卑劣的小鬼》與波果米爾教神話) – яркий пример отмеченной тенденции современного литературоведения КНР: стремления представить многоаспектную, в частности, религиозную проблематику писателя исключительно как «экзотическую», не имеющую отношения к современной жизни. При этом следует отметить, что статья содержит очень ценные

наблюдения: подобное обращение Сологуба к мифу, отражающему двойственность сил зла, действительно, могло быть у писателя осознанным. Однако (и в этом ещё одна особенность некоторых современных работ из КНР) небольшая статья не содержит ссылок на источники, которые подтвердили бы смелую гипотезу исследователя. Интересно было бы проверить наличие в архиве писателя документов, подтверждающих знакомство Сологуба с богами, что вполне возможно.

Li Yi-lan (李宜蘭) – автор монографии «К вопросу об условных формах в символистской прозе Ф. Сологуба» (索洛古勃象徵主義小說中假定性形式的詩學特徵» (Гуанчжоу, 2010 г.).

Среди авторов заметных литературоведческих статей следует назвать также **Dia Zhuomeng (戴卓萌), Zhang Ji (張紀)**.

Как видим, исследователи из КНР в целом больше занимаются частными вопросами творчества Ф.К. Сологуба, и этому посвящены отдельные монографии.

Исследователи на Тайване

Оу Инь-си (歐茵西)

В книге «History of Russian Literature» (新編俄國文學史) описаны жизнь и творчество Ф.К. Сологуба. Книга опубликована в 1993 г. на Тайване. Переиздана в 2007 г.

Сюй Мэни (徐孟宜) – автор статьи «Дуалистическое мировоззрение в рассказах Федора Сологуба» (索洛古勃短篇小說裏的二元論世界觀) (Тайбэй, 2003).

Peng Ming-wei (彭明偉) – автор очень примечательной статьи «The Zhou Brothers' Literary Translation and Creation: The Interliterariness between Lu Xun's “Tomorrow” and F. Sologub’s “Candle Light” as an Example» (周氏兄弟的翻譯與創作之結合：以魯迅〈明天〉與梭羅古勃〈蠟燭〉為例), которая опубликована в тайваньском журнале «Studies in Sinology» (中國學術年刊) в 2007 г.

Zhang Zhong-liang (張中良) – автор книги «Переводная литература периода Движения 4 мая» (五四時期的翻譯文學) (Тайбэй, 2005).

Библиография

1. Волегов А.В. Тенденции литературного процесса в творчестве В.М. Гаршина и Ф.К. Сологуба – Тайбэй, 2013. – 279 с.
2. Дронов А. В. Рецептивная эстетика // Современное зарубежное литературоведение. Страны Западной Европы и США. Концепции, школы, термины / сост. И. П. Ильин, Е. А. Цурганова. – М., 1996. – С. 127–138.
3. Дефье О. В. Д. Мережковский: Преодоление декаданса (Раздумья над романом о Леонардо да Винчи). – М., 1999;
4. Сарычев Я. В. Религия Дмитрия Мережковского: «Неохристианская» доктрина и ее художественное воплощение. – Липецк, 2001
5. Осьминина Е. А. Образы мировой культуры в прозе Д. С. Мережковского. – М., 2009.
6. Яусс Х.-Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 12 – С. 34– 84.
7. Изер В. Историко-функциональная текстовая модель литературы // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. –1997 – №. 3 – С. 118–142.
8. Pachmuss T. D.S. Merezhkovsky in Exile (American University Studies Series XII, Slavic Languages and Literature) – Peter Lang Publishing, 1990.
9. Нагорная Н.А. Онейросфера в русской прозе XX века: модернизм, постмодернизм. диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01.- М., 2004.
10. Пайман А История русского символизма . – М.: Республика, 1998.
11. Силард Л. Поэтика символистского романа конца XIX – начала XX в. В сб.: Проблемы поэтики русского реализма XIX века. – Ленинград, 1984.
12. Ханзен-Лёве А.: Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. Серия «Современная западная русистика». – Санкт-Петербург, 1999.